

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-3-15-24

УДК (UDC) 82-311.4

Vassili V. Bouilov,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland

Буйлов В.В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

*For citation: Bouilov Vassili V., (2022).
Andrei Platonov: The Author's Concepts "Proletariat",
"Peasant Hard Worker" and "The Collective Farm Poor"
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 3 (2022), pp. 15-24 (in USA)*

Manuscript received 17/10/2022

Accepted for publication: 20/11/2022

*The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

**АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ: АВТОРСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ПРОЛЕТАРИАТ»,
«КРЕСТЬЯНИН-ТРУЖЕНИК»
И «КОЛХОЗНАЯ БЕДНОТА»
(Статья №1)**

**ANDREY PLATONOV: THE AUTHOR'S CONCEPTS "PROLETARIAT",
"PEASANT HARD WORKER"
AND "THE COLLECTIVE FARM POOR"
(Article №1)**

Abstract:

As in the main conceptsphere of Andrei Platonov's short novel The Foundation Pit, in its likeness, in any of the mini-conceptospheres that form the main conceptsphere, there are their dominant and dominated, formative and generated semiotic components on all the levels of the text available in the narrative and semiotic field of the short novel. In The Foundation Pit, Platonov, within the narrative and symbolic framework of his philosophical concepts, deduces certain social archetypes with their inherent class and social behavioural characteristics. The typical features of the manifestation of social, personal and spiritual behavior inherent in these social archetypes are predetermined mainly by their class consciousness and, to an even greater extent, by their social status.

Keywords:

Platonov's conceptsphere, mini-conceptospheres and implicativity of The Foundation Pit, the author's concepts "Proletariat", the "Peasant Hard Worker", "The Collective Farm Poor", socio-anthropological and psychoanthropological approaches, Platonov's literary collision of Utopia and Dystopia

Аннотация:

Как и в основной концептосфере повести Андрея Платонова «Котлован», по её подобию в любой из формирующих основную концептосферу мини-концептосфер присутствуют свои доминирующие и доминируемые, формирующие и формируемые семиотические компоненты на всех имеющихся в художественно-семиотическом поле повести уровнях текста. В «Котловане» Платонов в художественно-символических рамках своих философских концептов выводит определенные социальные архетипы с присущими только им классовыми и социальными поведенческими характеристиками. Свойственные данным социальным архетипам типические черты проявления социального, личностного и духовного поведения предопределяются, в основном, их классовым сознанием и еще в большей степени – их общественным статусом.

Ключевые слова:

Платоновская концептосфера, мини-концептосферы и имплицативность текста «Котлована», авторские концепты «Пролетариат», «Крестьянин-труженик», «Колхозная беднота», социально-антропологический и психоантропологический подходы, платоновское литературное столкновение Утопии и Антиутопии

Введение

В тексте повести Андрея Платонова «Котлован» [5] в процессе повсеместного авторского перекодирования семиотической символики платоновской ранней поэзии и интертекстуально доминирующих пре-текстов поэтов Пролеткульта происходит расширение их художественного смыслонаполнения и имплицативности. «Котлован» как многоуровневое произведение обладает концептосферой, которая включает в себя множество взаимозависимых концептов и целые группы мини-концептосфер, художественно функционирующих как во взаимодействии с остальными, так и самостоятельно.

Социально-антропологический подход, как подход интердисциплинарный, предполагает разностороннее рассмотрение представленных этими концептами отдельных социально-общественных групп в условиях развития конкретного общества и его социально-классовой структуры и в его социально-культурном многообразии. В свою очередь, психоантропологический подход, в дополнение к изучению психологии социального поведения, предусматривает также исследование духовных параметров человека как социальной и классовой единицы.

Рассуждения

Пролетариат и «нормализованный труд»

Революционный романтизм первых лет советской власти сменился растянутым во времени и пространстве суровым социалистическим бытом, жестоко вырываемым из однообразной череды трудового и классового существования очередной политической или хозяйственной кампанией. В «Котловане» у Платонова пролетарии представляют собой ту часть революционного «авангарда», «рыцарей революции», которые, выступая гегемоном и символом пролетарской революции, убежденно боролись за социальное, социалистическое переустройство общества и готовы были не задумываясь положить свои жизни на алтарь этой революции.

В повествовании «Котлована» конца 20-х — начала 30-х годов их, истинных представителей ПРОЛЕТАРИАТА, как это было с ними и прежде, не прельщают кресла и льготы, возможности карьерного роста и административные кормушки. И они статусно, идейно и психологически не вписываясь в условия новой советской иерархии, возвращаются к ранее уже привычной для них дореволюционной деятельности, то есть конкретно здесь, в «Котловане», – к рытью земли:

От сознания малочисленности своей артели Чиклин спешно ломал вековой грунт, обращая всю жизнь свою тела в удары по мертвым местам. Сердце его привычно билось, терпеливая спина истощалась потом, никакого предохраняющего сало у Чиклина под кожей не было – его старые жилы и внутренности близко подходили наружу <...> [5, с. 24]

Эти рабочие люди знаменуют собой сильные и прямодушные характеры, чистые и доверительные отношения. Чиклин, являясь типичным представителем пролетарской МАССЫ и воспитанный на принципах рабочей морали, честного и твердого рабочего слова, коллективной ответственности друг за друга, человеческой цельности и надежности, никогда не теряет чувства жизни и чистоты помыслов, никогда ни к чему не старается подстроиться и приспособиться:

<...> он ощущал окружающее без расчета и сознания, но с точностью <...> [5, с. 25]

Непрерывно действующее чувство жизни Чиклина <...> [5, с. 44]

Представленные в «Котловане» этими цельными человеческими типами характеры-образцы рабочей этики наглядно отражают взгляды Платонова на образ и духовное предназначение человека труда в его авторской концепции преобразования действительности через честный и упорный труд. Так, Чиклин, сохраняя свое собственное понимание рабочей чести и достоинства, не считает возможным бравировать своим пролетарским происхождением:

– Да, я из пролетариата, – нехотя сообщил Чиклин.

– Ага, стало быть, ты нынешний царь <...> [5, с. 44]

– Рабочий класс – не царь, – сказал Чиклин, – он бунтов не боится. [5, с. 41]

Действующие в «Котловане» рабочие персонажи в их отношении к жизни и труду продолжают оставаться для Платонова главным духовным ориентиром. Для него как для писателя, публициста и философа, пролетарии олицетворяют собою чистоту романтического отношения к труду, природную цельность и глубину мировосприятия. Моральное вдохновение и философское обоснование для такого писательского этического видения труда и людей труда Платонов, отчасти, находит в «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова [6, с. 146-148; 7, с. 69-78]. Концептуальная важность присутствия в «Котловане» мотивов философского учения Фёдорова подтверждается следующим высказыванием А.К. Булыгина:

«<...> для писателя еще не потеряли значимость идеи Н. Ф. Фёдорова о воскрешении всей жизни на земле, для чего первейшим условием было ощущение единства всего человечества, родственных связей, которые помогли бы сосредоточить все силы людей на «общем деле». [1, с. 72]

И хотя для людей подобного коллективного труда их работа была и продолжала оставаться естественной и единственной формой их свободного физического существования и творческой реализации, согласно новым строжайшим идеологическим предписаниям и казенным циркулярам власти, труд «нормализованных людей» ею также повсеместно «нормализован». Авторский окказиональный термин «нормализованный» писатель впервые употребил уже задолго до написания «Котлована» в своей ранней публицистике в 1920 году [4]. Платонов не может сдержать сарказма, говоря о подневольном нормализованном труде:

Во время революции по всей России день и ночь брехали собаки, но теперь они умолкли: настал труд, и трудящиеся спали в тишине. [5, с. 33]

В контексте бесправия и целенаправленно проводимой извне линии на обезличивание рабочей массы, Платонов дает в «Котловане» чудовищное жизнеописание унижений и обесмысливания существования людей и их труда. Все при таком каторжном, изнуряющем труде почти без отдыха и перерывов на сон сведено до уровня животного инстинкта, до уровня бессознательной автоматизации поведения трудящихся, до крайней примитивизации их самых простых желаний и потребностей:

Вскоре вся артель, смирившись общим утомлением, уснула, как жила: в дневных рубашках и верхних штанах, чтобы не трудиться над расстегиванием пуговиц, а хранить силы для производства. [5, с. 47]

Чиклин без спуска и промежутка громил ломом плиту самородного камня, не останавливаясь для мысли или настроения <...> [5, с. 30]

Такой труд исключает индивидуальную инициативу, приводит к уравниловке, лишает людей заинтересованности в высоких результатах собственной работы. В нем отсутствует творческое начало. Он построен на принуждении и не предусматривает справедливой и соразмерной материальной компенсации за самую тяжелую работу. Для силового привлечения к такому труду используются террор и репрессии. У Платонова в «Котловане» в качестве альтернативы казенно механизированному труду выступает **труд свободный**. Отсутствие свободного труда вынуждает людей приспособляться или искать спасение в эфемерном спасительном исходе, в бегстве из этого замкнутого подневольного пространства в другую, как казалось, более достойную жизнь:

Новые землекопы постепенно обжились и привыкли работать. Каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда – один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения. [5, с. 42]

Представители пролетарской массы в «Котловане» постепенно начинают терять чувство мечты и веры, сопровождавшее их всю предшествующую жизнь, посвященную борьбе за их классовые идеалы. Как и прежде, до революции, они вынуждены жить по указке сверху, неспособные распоряжаться собственными душой и телом. Пролетарии, не находя претворения в окружающей их жизни своих простых по форме, но ясных по содержанию социальных и революционных идеалов, испытывают разочарование в том, что они сейчас видят вокруг, и в том, в чем они сейчас вынужденно соучаствуют.

Крестьянин-труженик и свободный труд

По словам М.Я. Геллера, в годы советской власти в процессе упорной идеологической обработки пролетариев, их «перековки» [3, с. 4], при назывании лиц физического труда на место емкого слова «**труженик**» пришло политически и экспрессивно окрашенное семантическое стяжение «**трудящийся**». из нового словаря советской эпохи. В деревне в это время проводилось силовое превращение **свободных «крестьян»** в «**колхозников**». Желаящая оставаться в стороне от этого процесса кулацкая и середняцкая человеческая «фазница» без долгих размышлений подвергалась физическому истреблению и ликвидации как класс.

Платонов с вдохновением, любовью и скорбным сочувствием обращается в «Котловане» к образу-концепту **КРЕСТЬЯНИНА-ТРУЖЕНИКА**, крестьянина-хозяина. Писатель художественно-метафорически или прямо указывает на чуждость и противоестественность для крестьян колхозной формы землепользования и хозяйствования, в своем практическом «классовом» осуществлении политически искривленной и социально-убыточной:

А Елисей говорил меньше, но горевал почти что больше всех. Он и двор-то когда имел, так ночей не спал – все следил, как бы что не погибло, как бы лошадь не опилась–не объелась, да корова чтоб настроение имела, а теперь, когда весь колхоз, весь здешний мир отдан его заботе, потому что на других надеяться он опасался, теперь у него уже загодя болел живот от страха такого имуществва. [5, с. 87]

Платонов с особым почтением рассказывает о наделенных природным чувством собственного достоинства, морально цельных крестьянах, патриархально и величественно носящих, в отличие от безымянного активиста, **имя, отчество и уважаемую фамилию**. Тем острее воспринимается трагедия этих людей:

Старый пахарь Иван Семенович Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы, а его баба причитала над голыми ветками. – Не плачь, старуха, – говорил Крестинин. – Ты в колхозе мужиковской давалкой станешь. А деревья эти – моя плоть, и пускай она теперь мучается, ей же скучно обобществляться в плен! [5, с. 72]

Русская деревня в своей основополагающей части свободного крестьянского труда предстает в «Котловане» выразителем духовной чистоты, высокой народной этики и любви к упорной, приносящей моральное удовлетворение работе. Крестьянство у Платонова имеет собственное высокодуховное и по-человечески простое, внятное понимание счастья и не нуждается в навязываемом новом социальном порядке:

Безвестный мужик с желтыми глазами <...> Его тоскливому уму представлялась деревня во ржи, и над нею носился ветер и тихо крутил деревянную мельницу, размалывающую засушенный, мирный хлеб. Он жил так в недавнее время, чувствуя сытость в желудке и семейное счастье в душе; и сколько годов он смотрел из деревни вдаль и в будущее, он видел на конце равнины лишь слияние неба с землею, а над собою имел достаточный свет солнца и звезд. [5, с. 50]

Для мужиков в «Котловане» естественным состоянием является проведение жизни в свободном, творчески созидательном труде. Но наступает казенщина, когда все равно – прок или ущерб. Платонов показывает, как крестьяне истосковались по осмысленной работе:

Другие организованные мужики также бросились внутрь предприятия и с облегченной душой стали трудиться над железными предметами и с той тщательной жадностью, когда прок более необходим, чем ущерб. [5, с. 87]

Вместо этого власть строго и бескомпромиссно предписывает крестьянству новый колхозный порядок «нормализованной» жизни. Платонов не может сдержать своего негативного к этому отношения – неприятия, скорее близкого к протесту, бунту. Не задумываясь о последствиях, он выплескивает свое возмущение в реальную жизнь при своем общении с разными собеседниками, часто случайными и не заслуживающими доверия. Отчаянная открытость, доверчивость, и, в условиях репрессивной политической системы, пугающий накал откровенности Платонова граничат с его бесстрашностью и даже житейской

безрассудностью, «безбашенностью». Все это имеет своим следствием неиссякающий поток тайных доносов на Платонова, направляемых в органы безопасности тайными и явными информаторами из окружения писателя. Ниже приводятся слова Платонова, цитируемые в одном из составленных на него доносов. Содержание его высказываний хорошо раскрывает существо его гражданской позиции и отношения к простому человеку, и конкретно говорит о надуманности партийной пропаганды. Так, например, в обнаруженных известным журналистом-расследователем В. Шенталинским доносов из секретных архивов НКГБ СССР значилось:

*«Из донесения в 3 Отдел 2 Управления НКГБ СССР.
5 апреля 1945 г. (Имя осведомителя не публикуется).
<...> «За что вы все меня преследуете? – восклицал ПЛАТОНОВ, – вы, вы все? Товарищи, – я знаю, преследуют из зависти. Редакторы – из трусости. Их корчит от испуга, когда я показываю истинную русскую душу, не препарированную всеми этими азбуками коммунизма. А ЦК за что меня преследует? А Политбюро? Вот, нашли себе врага в лице писателя ПЛАТОНОВА! Тот же – какой страшный враг, пишет о страданиях человека, о глубине его души. Будто так уж это страшно, что ПЛАТОНОВА нужно травить в газетах, запрещать и снимать его рассказы, обрекать его на молчание и на недоедание? Несправедливо это и подло.» [8, с. 33]*

Сам Платонов с детства приучен к упорному и творчески организованному физическому труду и глубоко переживает наблюдаемое им повсеместное смещение человеческих ценностей. Он не может смириться с трагической судьбой независимо доживающих свой век свободолюбивых крестьян, обреченных на постепенное и мучительное вымирание или на насильственную гибель от репрессий власти и коллективизации. Он никак не может принять повсеместного изменения, деформации общего отношения к труду. Согласно его моральным представлениям, только честный труд является основополагающим условием счастливой и достойной жизни.

Колхозная беднота: «нормализация» коллективизацией

Для советского крестьянства и для крестьян, персонажей «Котлована», главным потрясением эпохи, в которой им выпала тяжелая судьба жить, явилась коллективизация. Тема-концепт **КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ**, знаменующая собой процесс превращения концепта **КРЕСТЬЯНИНА-ТРУЖЕНИКА** в образ бесправной деревенской людской массы, выраженный концептом **КОЛХОЗНАЯ БЕДНОТА**, Платоновым хорошо выношена и выстрадана. К раскрытию этой темы на страницах «Котлована» писатель относится с особой трагической трепетностью. Он сам принимал участие в коллективизации и, вероятно, уже тогда многое начал понимать.

За всеми внешними пропагандистскими установками, обосновывающими необходимость проведения сплошной коллективизации, стояла развертывающаяся на глазах у Платонова высочайшая драма огромной страны и ее на тот момент преимущественно крестьянского населения. Коллективизация как социалистический проект в деревне декларативно предполагал добровольно-административное и централизованное создание колхозов и совхозов:

Активист дал знать Чиклину и Воцеву, что директивой товарища Пашикина они должны приурочить все свои скрытые силы на угождение колхозному разворачиванию. [5, с. 60]

Как видно из текста «Котлована», под прикрытием этого крупномасштабного политического проекта проводится идеологически обоснованная и заранее спланированная

физическая ликвидация кулаков и середняков как представителей двух наиболее инициативных, трудоспособных и креативных социальных классов, работающих на земле. М.Я. Геллер так определяет не поддающийся никакому логическому осмыслению трагический масштаб проводимых в стране волонтаристских «преобразований»:

«Коллективизация была сильнейшим шоком в советской истории, ибо она сопровождалась геноцидом крестьянства. По подсчетам Роберта Конквеста, «коллективизация и связанный с ней голод непосредственно, впрямую, были причиной смерти около 15 миллионов крестьян». [3, с. 22]

Деревня в процессе ее насильной коллективизации является одним из двух сюжетных хронотопов повести, в котором деревенское пространство сливается со временем движения к социализму. Платоновское повествование при описании колхозников приобретает особую социальную остроту. Их жизнь оказывается еще тяжелее и страшнее жизни городских пролетариев, которую тоже нельзя назвать легкой. Перед взором платоновских героев предстает апокалиптическая картина крестьянских страданий:

*– Дядя, это буржуи были? – заинтересовалась девочка, державшаяся за Чиклина.
– Нет, дочка, – ответил Чиклин. – Они живут в соломенных избушках, сеют хлеб и едят с нами пополам.
Девочка поглядела вверх, на все старые лица людей.
– А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а бедные нет!
– И один был голый! – произнесла девочка. – Одежду всегда отбирают, когда людей не жалко, чтоб она осталась.* [5, с. 53]

Люди здесь начинают звереть от голода и нищеты – вспомним о фактах каннибализма во время всеобщего голода в СССР в 1932—1933 годах, наступившего в результате непродуманно проводимой политики коллективизации. Платоновские персонажи в «Котловане» начинают превращаться в устрашающие звероподобные фантастические существа:

За ними отправился Чиклин, наблюдая спину Елисея, покрытую целой почвой нечистот и уже обрастающую защитной шерстью. [5, с. 53]

Даже колхозная скотина очень быстро усваивает уроки силой, навязанной обобществленной жизни, в несвободных условиях которой честная работа откровенно игнорируется и воровство становится вынужденной и единственной аксиомой выживания и напряженного поддержания элементарной жизнедеятельности, до крайности примитивного физического существования:

– Наши лошади уж и ездить отвыкли: стоят с коих пор! У них и ноги опухли, ведь им только и ходу, что корма воровать. [5, с. 94]

Конечно, у Платонова как у горожанина присутствует в некотором смысле особый пролетарский, по-городски отстраненный взгляд на колхозников. И все-таки колхозники в их нынешнем бедственном угнетенном положении вызывают у писателя скорее большое человеческое сочувствие, чем социальное и духовное отчуждение или непонимание (какое, например, вызывают у него представители власти, советские чиновники, функционеры и бюрократы, саркастически именуемые писателем в «Котловане» **«заместителями пролетариата»**):

<...> людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади; в их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда, они более способны были лежать навзничь или покоиться как-либо иначе. [5, с. 31]

– Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете – скучно и босой.

– Они потому и идут, что босые, сказал Чиклин <...> [5, с. 64]

Платонов, хорошо знающий, что такое коллективизация, с горечью и гневом разоблачает ее репрессивный характер. Крестьяне в «Котловане» воспринимают коллективизацию как катастрофу, как конец света. Писатель художественно, через использование ярких метафорических средств, показывает надуманный, декларативный и разрушительный характер проводимых социальных и хозяйственных преобразований. Процесс обобществления принимает у него вид чудовищного гротеска, карнавализированной и гиперболизированной сюрреалистической фантазмагии. Употребление Платоновым наиболее действенных средств художественной и стилистической выразительности придает событиям апокалиптическое звучание:

Ночь покрыла весь деревенский маситаб <...> бабы вскрикивали повсеместно и, привыкая к горю, держали постоянный вой. Собаки и другие мелкие нервные животные тоже поддерживали эти томительные звуки, и в колхозе было шумно и тревожно, как в предбаннике <...> [5, с. 72]

Несмотря на прямую угрозу жизни, трудолюбивым и хозяйственным крестьянам невероятно жалко расставаться с имуществом, нажитым в течение всей их жизни непосильным трудом. Физическое ощущение их ужаса усиливается платоновским сюрреалистическим изображением мертвых лошадей в стойлах (по-платоновски, «в станках»), которое намеренно вызывает ассоциирование этих невинно замученных платоновских лошадей с подвергаемым подобной же гибельной участи колхозным народом:

Остаточные, необобществленные лошади грустно спали в станках, привязанные к ним так надежно, чтобы они никогда не упали, потому что иные лошади уже стояли мертвыми; в ожидании колхоза безубыточные мужики содержали лошадей без пищи, чтоб обобществиться лишь одним своим телом, а животных не вести за собою на скорбь. [5, с. 72]

По словам А.К. Булыгина, в записных книжках Андрея Платонова можно найти следующие слова, достаточно красноречиво свидетельствующие о том, насколько далека была позиция писателя от каких-либо официальных схем, насколько остро он сам ощущал абсурдность и очевидную губительность, катастрофичность большинства этих социальных и политических преобразований:

«Составлялись сводки, по которым видно, что обобществлению не подлежит только воробей» (Платонов 2000: 34). «Раскулачили за то, что проживает девой» (там же: 25). В остросатирической пьесе Платонова «Шарманка» «подкулачницей» объявляется даже сама природа – за отсутствие «планового начала» (Платонов 1995: 543). В платоновском сценарии кинофильма «Машинист» ситуация в деревне представлена не просто как социальная катастрофа, но как стихийное бедствие, затронувшее все мироздание и нарушившее естественные законы. В гораздо более жутком виде картина гибели деревенского уклада жизни изображена в «Котловане». [2, с. 24]

Заключение

Коллективизация в «Котловане» показывается Платоновым жёстко и откровенно, как реальная деятельность по претворению в жизнь утопического и силового политического проекта, направленная на сознательное разрушение традиционного жизненного уклада миллионов людей. Террор по отношению к кулакам и подкулачникам как классово враждебным элементам и репрессивно-административное преобразование остальной крестьянской бедняцкой массы в подневольных и бесправных колхозников осуществляется в масштабах всей страны одновременно с репрессиями общегражданского характера и выливается в прямое физическое уничтожение значительной части населения страны и, чаще всего, лучших его представителей. Политически обусловленное массовое насильственное лишение крестьян их жизненного пространства и даже собственной жизни цинично обосновано систематическим высвобождением этого пространства под полномасштабную гегемонию нового социалистического миропорядка. Казенная власть носителей новой утопической идеи отводит классово отселекционированной колхозной массе роль, работающих за призрачные палочки-трудодни, классово, морально и физически поверженных «сельскохозяйственных рабов». В таком же униженном и практически нищем состоянии рабов бездушной тоталитарной системы оказываются и пролетарии, привычно и демагогически декларируемые правящей властью как основная движущая сила социалистической революции и любых насущных социальных преобразований. Они начинают чувствовать, что оказались в нравственном, идейном и духовном вакууме, что они в этой жизни, созданной функционерами и исключительно для функционеров, со своими идеалистическими представлениями о социально справедливой жизни оказались лишними.

References:

1. Bulygin A.K., Gushhin A.G. (1997). Plach ob umershem boge: Povesť-pritcha Andreja Platonova «Kotlovan». Serija: «Nauchnaja biblioteka». Sankt-Peterburg: Nauka.
2. Bulygin A.K. (2002). «Kotlovan» Andreja Platonova Problematika i poetika (Zhanrovo-kompozicionnoe svoeobrazie i mifopojeticheskiy aspekt). Institut russkoj literatury RAN (Pushkinskiy Dom) Dissert. na soiskanie uchen. step. kand. filol. nauk, Sankt-Peterburg. Internet-resurs: <http://cheloveknauka.com/kotlovan-andreya-platonova-problematika-i-poetika>.
3. Geller M.Ja. (1985/1994). Mashina i vintiki. Istorija formirovanija sovetskogo cheloveka. Izdatel'stva London 1985, Moskva: «MIK», 1994. Internet-resurs: 14.09.2014 http://www.krotov.info/history/11/geller/gell_21.htm.
4. Platonov A.P. (1920). Normalizovannyj rabotnik. Voronezh: «Voronezhskaja kommuna», 29 dekabnja.
5. Platonov A.P. (1988). Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata.
6. Fedorov N.F. (1991). N.F. Fedorov. V knige: Zen'kovskij V.V. Istorija russkoj filosofii. Tom II, Chast' I. Gl. V. Leningrad: MP «Jego», 134-150.
7. Fedorov N.F. (1993). N.F. Fedorov. V knige: Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli. Sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moskva: Pedagogika-Press, 64-84.
8. Shentalinskij V., Tol'c V. (2012). Opublikovannyj v Internete pis'mennyj tekst radiointerv'ju Vitalija Shentalinskogo, avtora trilogii «Raby svobody», «Donos na Sokrata» i «Prestuplenie bez nakazanija», zapisannogo na Radio Svoboda, v hode programmy Vladimira Tol'ca cikla «Repressirovannaja literatura v arhivah palachej» – Andrej Platonov». Internet-resurs, opublikovano 11.02.2012: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24480506.html>.

Information about the Author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies,

Василий В. Буйлов, Университет Восточной Финляндии, Йюэнсуу, Финляндия.

E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704

Постоянно проживает в Хельсинки.

Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513

ORCID iD and the link to public record: <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Published scientific works – about 100 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Acknowledgments: The author would like to sincerely thank reviewer for her feedback and assistance on this paper.

Author's contribution: The work is solely that of the author.